

* * *

Проводим последнего из ветеранов
Последней оправданной нами войны,
И память в подполье уйдёт партизаном
И будет тревожить ленивые сны.

А может уже, упреждая забвенье,
Отряд молчаливый уходит в леса,
Где помнит о нас корневое сплетенье,
Где просят за нас журавлей голоса.

Уходят последние из ветеранов
Войны, что оправдана жизнью самой,
И строй журавлиный летит над курганом,
И что-то не так с наступившей весной.

ДОМ НАД РЕКОЙ

Не в аду, не в раю,
а на самом краю,
где земля осыпается в воду —

дом несчитанных лет,
почерневший от бед.
Он на откуп тебе отдан.

Этот дом у реки
сторожат старики,
и дрожат огоньки в печке.
Этот дом над рекой
бережёт стариков,
как исток бережёт речку.

От крыльца до конька —
три венца, три вершка.
И несёт облака ветер.
Ой, ты, речка-река,
не спеши убегать,
не кроши берега
эти.

ЦЫПЛЁНОК

Его разбудила кромешная тьма,
И тесною стала родная тюрьма,
И, то ль от отчаянья, то ль от стыда
Он ткнулся во тьму, и явилась звезда!
И с каждым ударом по чёрной стене
Звезда за звездой появлялась на ней,
Как будто на клюве цыплячий нарост
Служил специально рождению звёзд.
Он ими дышал и меж ними тонул,
Пока, наконец, не проклюнул луну.
И, перекатившись с крыла на крыло,
Он вытянул шею, и стало светло.
И солнце таким же промокшим птенцом
Смотрело на мир, сотворённый Отцом.

* * *

...Я вижу себя в стариках:
Вон тот — и сухой, и сутулый,
И так же лоснится рукав,
И волосы временем сдуло,

Рубцы от улыбок и драк,
Стучат кровеносные трубы;
А этот — такой же дурак,
И так же искусаны губы.

Вы словно большая семья,
Где каждый другому любезен.
Примите меня, если я
Могу быть хоть чем-то полезен.

Пускай я зелёный пока,
Вы в братство своё боевое
Примите хоть сыном полка
В конец бесконечного строя.